

Что делать, если в двадцать с чем-то лет (для поэта поздновато?) вдруг пошли стихи. Не считать же из-за этого себя поэтом.

Довольствоваться тетрадкой? Это — потом, а сперва — все же поделиться стихами со своими друзьями. В какой форме? Да в распространённой для своего круга, для своего времени — в песенной, в бардовской...

И с подчёркнутым защитным ориентиром, и с благодарностью учителям: в названии, посвящении, эпиграфе...

Из пластов ученичества. В 1982–1984 годах И.А. по призыву — в армии. Высокий, сильный, спортсмен — он взят был во внутренние войска: охрана, конвой, охрана... А в казарму ему из дому посылали в письмах Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Ахматову, Пастернака, Цветаеву, Мандельштама. Сохранился армейский блокнот И. А. с вписанными в него стихами: Блок, Некрасов, Пушкин, Розенбаум, Омар Хайям, Вознесенский, Высоцкий, *«Рано, рано утречком, выйду я, тверёзанький...»*, Окуджава, Ника Турбина, конспекты политзанятий, уставов и инструкций внутренних войск. Выбирай! А в списках «для чтения» (1985 г.?), между адресами однополчан, репертуаром «Queen» и других групп, имена: Пастернак, Лорка, Надсон, Мандельштам, Гумилёв, Анненский, Бальмонт, Ахматова, Городецкий, Сологуб, Вяч. Иванов, Белый, Северянин, Чёрный, Апухтин, Тарковский. Бродского в этом ряду нет,

появится позднее. С некоторыми из этих имен, в том или ином виде, мы встречаемся в стихах И. А. — подражание, аллюзия, реминисценция, оммаж... Особые отношения сложились у И. А. с Мандельштамом, которого, как сказал бы некий критик начала прошлого века, *«он слышал ещё не родившимся и продолжал слышать уже за Ахеронтом...»*

И. А. родился в Москве, большую часть жизни прожил в Днепропетровске, что в какой-то степени уберегло его от давления столичных школ и кружков. И до конца сохранил необходимую для поэта долю графомании, у которой, в контексте, всегда есть возможность преобразиться в откровение. Вот так, на пересечении песни и стиха, с участием автора, неожиданно возникала поэзия (как форма внутреннего облачения) И. А. Рецидив песенного репертуара сохранялся долго: тексты его стихов, случалось, были чуть длинноваты, так как песня тяготеет к балладной форме, в то время как стихи в традиционном восприятии более свободны от развёрнутого сюжета, не связаны объёмом.

Осенью 1988 года И. А. вместе с матерью переезжает из Днепропетровска в Ригу. Для поэта два с лишним года в Риге — лучшее время, время сближения, простите, с вечностью. Судьба шла ему навстречу. Гналась за ним и одновременно шла ему навстречу. Останься он в Днепропетровске, достучался бы он до своих вершинных стихов? К тому же заканчивался час ученичества, личное время переваливало за «четвертак». А тут еще ситуативно сужался круг давней референтной группы, не было необходимости учитывать «концертно-бытовые» условия, возможности, потребности и способности слушателей, можно было переходить от стихов под музыку собственно к стихам.

Мелькают двойники автора, среди которых Маленький принц из книжки Сент-Экзюпери и Кай из «Снежной королевы» Андерсена. Один — заложник холода, разума,

другой — воплощение тепла и сердца. Что между ними общего? Спасать надо обоих!

И почти в каждом стихе, в каждой строчке, в каждом полуточии (любимый знак автора) — тема ухода. Почти нет стихов о любви, нет быта, о который могла бы разбиться любовная лодка, нет земного пейзажа, разве что город в туманных очертаниях, на крышах — коты, которым лапой подать до луны... Гражданская лирика, стихи о стране? Разве что о судьбе страны, о судьбе мира. Но это все сюжеты эпизодические, едва появившись, немедленно сторонятся, уступают время и место неподвижной идее. Готовность жить-поживать уступает потребности жить навсегда и поскорее преодолеть это временное расстояние между жизнью земной и жизнью вечной.

Но генеральную тему нельзя было эксплуатировать бесконечно, хотя именно эта точка отсчёта позволяла сочетать несочетаемое, сдвигала с привычного места слова, сталкивала их, стягивала союзы и предлоги, требовала обводного и обходного синтаксиса, формировала строй метафоры. Что получалось? С трудом удерживаемся, чтобы не сказать — строки то и дело взмывали.

Наступало время овеществления слов, реализации мифологемы. Возможно, существовал путь для преодоления навязчивого сюжета, поэтического и реального — выход в другой жанр: скажем, в стихотворную драму, в поэму. Одну поэму («Это не стих, а...»), стесняясь даже слова «поэма», И. А. всё же написал (держа в памяти есенинского «Чёрного человека»?).

В середине 1991 года И. А. вернулся в Днепропетровск, стал человеком семейным. Время от времени наведывался в Ригу.

Стихи последнего, днепропетровского периода, нам неизвестны. Кажется, их и не было. Ни читать стихов, ни петь их — не хватало дыхания, да и астма к тому же... Увяла

и переписка с вложением стихов — почти все друзья были рядом, не к кому было обращаться.

В апреле 1993 года, на Пасху, едва пройдя свое двадцатидевятилетие, И.А. ушёл, взял и ушёл, через запястья, на волне очередного приступа астмы и ещё каких-то волн...

Остались стихи. Можно потрогать...

Первая публикация: книга Ильи Асаева «Мы затеяли жить...». Рига, ЛОРК, 2014.